

Дарина Кучерук
*Вспомнить
себя*

Дарина Кучерук

Вспомнить себя

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951725
Вспомнить себя: Издать Книгу; 2012*

Аннотация

Белые банты, пионерские галстуки, автоматы с газировкой – вам кажется, все это было лишь вчера?..

«Вспомнить себя» – увлекательная, необычная повесть, всем детям семидесятых и восьмидесятых посвященная. Несмотря на автобиографичность произведения, читатель легко сумеет разглядеть на страницах книги собственное прошлое.

Повесть заставляет читателя не только вернуться в детство, но и задуматься над вечным вопросом: «Кто мы и куда идем?».

«Вспомнить себя» – доброе, душевное произведение, с тонким, проникновенным юмором, которое помогает отыскать свое «я» в далеких и запутанных лабиринтах детства...

Содержание

Вступление	4
Часть 1 По ту сторону детства	8
Мой первый танец	10
Наш первый дом и игрушки	13
Мои друзья и старушки	17
Родные бабушки и «железный» дедушка	21
Взрослая сестра и моя детская «живопись»	31
Детсад и малиновая жвачка	35
Моя первая любовь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарина Кучерук

Вспомнить себя

Всю жизнь ожидаешь встречи с Кем-то, кто поймет тебя и примет таким, какой ты есть. А в самом конце обнаруживаешь, что этот Кто-то всегда с тобой. И это – ты сам.

(Ричард Бах)

Вступление

Ты – сияющий Высший Свет, решивший когда-то в теле человека с целью приобрести жизненный опыт погрузиться в призрачную реальность, которой собственно говоря, и не существует.

(Ли Кэрролл)

Ты пришел в эту жизнь на очень короткое время для того, чтобы совершенствоваться и выполнять свою миссию.

Ты чистая сила энергии, созданная Богом, спустившаяся на Землю с определенной целью. Бог – всеобщее знание, которое не имеет опыта, Ему необходимы посланники, через которых Он может приобретать этот опыт. Каждый из вас несет в себе «небесные гены». Бог получает информацию через каждую вашу клетку. Поэтому, если вы думаете, что не являетесь божественной частью, подумайте об этом еще раз!

В самом глубоком понимании этого слова вы – это частица Бога, может, и маленькая, но по-своему совершенная. Вы святость. Только попав сюда, на Землю, вы забыли об этом! На этой планете душа забывает обо всем, так как при самом рождении мозг человека переживает «амнезию». И вы больше не помните, кто вы, где ваш дом и зачем вы здесь. Вы также забываете о том, что вы и только вы – автор собственной жизни!

Перед тем, как прийти на Землю, каждая душа избирает свою «тему». И так же, как писатель набрасывает главы книги, вы начинаете разрабатывать сценарий собственной жизни.

Каждый раз, когда я говорю об этом, какая-то часть меня начинает возражать: «О, нет! Этого не может быть! Разве я могла быть настолько глупой и безумной, чтобы написать весь этот кошмар моей жизни?» На самом деле – могла... Если бы я написала: «Я собираюсь быть красивой, успешной, богатой; у меня будет все, и все вокруг будут меня любить», как тогда я собиралась совершенствоваться? Только когда золото подносят к огню, оно обретает форму, превращаясь в кольцо. Иначе оно так и остается слитком. Что такое бриллиант? Кусочек угля. Однако под воздействием высокой температуры, длительного давления и обработки он превращается в драгоценный камень. Именно им и является каждый из вас, ваши души как бриллианты в ожидании своего преображения.

Чем сложнее и многогранней жизнь мы выбираем, тем больше опыта мы хотим приобрести. Однако нередко, попадая в тело, обнаруживаем, что жизнь оказывается намного сложнее, чем мы того ожидали. Там, по ту сторону, нам все казалось легким. Создавая сценарий, мы с радостью брали на себя и «то», и «это». Лишь только опустившись на Землю, мы осознаем всю сложность своего выбора. Вы когда-нибудь заглядывали в глаза младенцу? В них нередко можно прочесть: «О, нет! Ну, вот я снова здесь!»

Но цель нашей жизни – совершенствование, ради этого мы сюда пришли. Эти имена, эти лица, эти тела, что мы носим, иногда бывают красивыми, но не забывайте, что наше физическое тело всего лишь одолженное на время. А человеческая жизнь – не что иное, как школьная площадка, где всем нам предстоят свои уроки.

Некоторые сущности развиваются и растут быстрее остальных. Однако большинство душ не эволюционируют в достаточной мере за одну жизнь, и поэтому Бог дал каждому из нас шанс возвращаться сюда снова. Каждая сущность со своей темой проживет ровно столько жизней, сколько выберет сама, до тех пор, пока не выполнит свою миссию в полной мере.

Земля – самая сложная из планет. Не существует более тяжелого места ни в одной из галактик. Во всей Вселенной Земля известна как «Темная планета безумства». Битвы и сражения случаются и в других мирах, но только не так, как

здесь!

Земля служит убежищем для негатива со всей Вселенной. Я не хочу рисовать все черными красками. Все, что я хочу сказать, это то, насколько смелые и бесстрашные вы, раз отважились прийти сюда, и как сильно вы совершенствуетесь духовно! Вы все – светлые воины. Только прожить эту жизнь и продержаться на этой планете – уже огромное достижение!

Без трудностей душа развивается меньше и медленней. Поэтому Земля – своего рода идеальное место для духовного роста. Это одна из самых быстрых «школ». На других планетах может быть истрачено до ста двадцати жизней для того, чтобы совершить то, что вы можете сделать на Земле всего за три. Поэтому неудивительно, что именно здесь рождаются самые великие и прекрасные «бриллианты» во всей Вселенной.

Сильвия Браун, «Бог, творение и инструменты для жизни»

Часть 1 По ту сторону детства

*Каждый ребенок рождается
божеством, а затем опускается
до человека
(Симона де Бовуар)*

Говорят, когда человек рождается, на небе зажигается звезда. Так новой жизни радуется небо.

Я очень надеюсь, что оно так же сильно радовалось и за меня. И мама впоследствии оказалась не права, утверждая, что моему появлению на свет не был рад никто, кроме нее самой.

Возможно, она говорила это от обиды, так как сразу после моего рождения наш отец с горя запил. Он так долго и уверенно ожидал мальчика, что появление второй дочери для него оказалось непреодолимым несчастьем. Свою глубокую печаль и тоску папа несколько дней заливал вином, а потом и вовсе загулял.

Не менее трагично мое рождение восприняла и родная бабушка, в доме которой временно проживала наша семья. Она даже ко мне не подходила. Воспитав двоих сыновей, бабушка считала девочек «Божьим наказанием». И каждый раз, когда я плакала, она лишь недовольно тыкала в дверь указательным пальцем, бросая матери: «Иди, она снова ревет». Бабушка даже не называла меня по имени. После месяца та-

кой жизни моя мама забрала нас, детей, и ушла.

Мой первый танец

Вот так началось мое детство. Впрочем, мама была не права: моему появлению на свет очень обрадовалась старшая сестра Полина, пожалуй, даже слишком. Так что уже с месячного возраста мне приходилось переваривать ее самые изысканные лакомства: сахарные кубики, баранки и пряники, словом – все самое лучшее, что у моей сестры только было. Она не могла не делиться этим со мной.

Возможно, именно поэтому мне пришлось взрослеть намного быстрее, чем обычным детям. И в полтора месяца у меня появился первый зуб! Его крепость я активно проверяла на самой Полине, кусая ее от большой любви, а порой – от досады. Но сестра мне прощала все, я была для нее чем-то вроде божества. Она прощала мне даже прогрызенные до дыр игрушки. Когда мне исполнился

год, в нашем доме не осталось практически ни одного уцелевшего от моих зубов предмета, включая мебель и всю кухонную деревянную утварь.

Обо всем этом я узнала со временем из рассказов моей семьи. Однако есть моменты раннего детства, которые каким-то чудом запечатлелись у меня в памяти. И эти воспоминания связаны, пожалуй, с первым годом моей жизни. Очень отчетливо и ясно я помню свой первый «танец», исполняемый под мелодию детской пластинки «Семеро козлят». Мои

родные при этом громко и весело смеялись. Я тогда, ребенок, была невероятно счастлива от того, что способна вызывать у окружающих подобный восторг и признание. В столь раннем возрасте мой танец представлял собой необычайно ритмическое раскачивание под музыку. Прodelывала все это я, стоя на четвереньках на диване. Отбивала ритмы песни я настолько четко и энергично, что конечно, это само по себе не могло не вызывать у окружающих смех. Причем страсть моя к песенке «Семеро козлят» была настолько сильной, что в каком бы состоянии я не пребывала: сонная, больная или уставшая, услышав любимую мелодию, я неизменно поднималась на четвереньки и усердно исполняла свой «танец». И он мог длиться долго, до моего полного изнеможения.

Вообще, я была очень необычным ребенком. Не только из-за необъяснимого пристрастия к песне «Семеро козлят», но и из-за многих других странностей. Пожалуй, с самого рождения я привлекала к себе внимание не одним своим неординарным поведением, но и своей не менее нестандартной внешностью.

Дело в том, что на свет я появилась с необычайно белыми, как снег, волосами. Их невозможно было причесать, они были тонкими и легкими, как пух, и всегда стояли дыбом. Казалось, если на мои волосы дунуть, они возьмут и разлетятся. Ну, просто одуванчик!

С такой экзотической внешностью я быстро стала сенсацией всего роддома. На меня сбегалось смотреть целое аку-

шерское отделение. К тому же санитарки без конца путали и совали меня кормить блондинкам. Прodelывали они это машинально, даже не задумываясь, что моей матерью могла быть самая настоящая брюнетка.

Мама тем временем пребывала в волнении. Она была уверена, что у нее родился альбинос. И хотя это не что-то смертельное, известно, что жить без пигмента достаточно сложно. А тем более – в Советском Союзе, где все должно было быть стандартным и одинаковым. Из ряда вон выходящие вещи или люди в обществе, как правило, надолго не приживались.

Однако альбиносом я не оказалась. И первое солнце в своей жизни я встретила с радостью. Его, к счастью, в моем раннем детстве было предостаточно, так как родилась я в самые жаркие дни июня. Наверное, поэтому до сих пор я так сильно люблю солнце.

Наш первый дом и игрушки

Вскоре после переезда матери от бабушки наш папа вернулся. Он попросил прощения и сказал, что нас любит. Мама ему поверила и простила.

Так все вместе мы и зажили в нашей маленькой, без удобств, квартире в дореволюционном, аварийном доме в одном из старых районов Винницы. Но надо признаться, что для меня это было самое лучшее место в мире! Нашу первую квартиру я хорошо помню до сих пор, начиная с малейших деталей расположения в ней мебели и заканчивая запахом ее стен. Как сейчас, помню нашу крохотную кухню: слева – газовая печь, плита, холодильник, справа – небольшой раскладной сервант, где хранились папины инструменты и электронные платы. Когда приходило время ужинать, крышка серванта открывалась, и мы на ней ели. Это был наш семейный стол. После трапезы крышка снова закрывалась, превращаясь в папин сервант. Наш первый дом был полон магии и чудес. Не менее волшебным мне тогда казался умывальник, стоящий там же, на кухне. Он напоминал удивительный шкаф, внутрь которого мама заливала воду, затем она поступала в кран. Использованная вода стекала в ведро, стоявшее под раковиной.

И, конечно, с невероятной точностью я помню нашу единственную в доме комнату. Там посередине у стенки стоял

большой деревянный стол, где моя сестра делала уроки; два раскладных дивана с левой и с правой стороны комнаты, один из которых был родительский, а другой – наш, детский. В левом углу располагался огромный, как мне тогда казалось, желтый шкаф с зеркалом. Он служил хранилищем для вещей, а также моим секретным убежищем, где я пряталась от всей семьи, когда у меня было «одинокое настроение». Справа на стене висели длинные стеллажи с книгами, а под ними стоял телевизор.

У самого изголовья нашей с Полиной кровати было священное место в доме – детский уголок, который представлял собой небольшую металлическую полку, а также несколько картонных коробок, размещенных под ней, где хранились игрушки. На полке, самом почетном месте, сидели наши любимые куклы и плюшевые животные. Как правило, все они были «новые». По мере же своего старения, они постепенно перебирались с полки в картонные коробки. Это был естественный процесс «природного отбора», интенсивность которого не в последнюю очередь зависела от поступлений игрушек в наш дом. Но признаться честно, такое бывало нечасто. Поэтому куклы порою засиживались наверху по несколько лет.

Появление новой игрушки для меня с Полиной было невероятным счастьем, поэтому мы с сестрой всегда с нетерпением отсчитывали время до наших дней рождений. Но люди, к сожалению, нередко оказывались «жадны» или просто

«глупы». Они часто приносили в подарок никому не нужные платья, колготы либо детские книги. И то, и другое мне казалось сущим наказанием!

Ничего уродливее для меня не существовало, чем кружевные платья и юбки. К тому же они были невероятно неудобными и непрактичными. То ли дело брюки! О них я тайком мечтала все свое раннее детство, но мне так и не посчастливилось их надеть. В те времена считалось, что носить штаны девочкам постыдно. В таком виде их не пускали даже в детсад, поэтому моя мечта о собственных брюках так и осталась несбывшейся. Компенсировать эту потерю мне помогали разве что шорты, мои первые белые махровые шорты. Их родители порою позволяли мне надевать дома и в очень редких случаях – на море. Но это были незабываемые дни моего детства!

Еще большим наказанием, чем платья, для меня, пожалуй, стали книги.

Впрочем, в дни моего раннего детства последние были не настолько ужасными. В них я могла рассматривать картинки, правда, недолго, поскольку последние никогда не менялись и поэтому казались скучными. Но настоящее коварство книг я узнала немного позже, где-то в шестилетнем возрасте, когда моя мама, стоя надо мной с веником, заставляла меня читать. Ничего в жизни мне тогда не представлялось мучительнее! Длинные, запутанные слова были абсолютно лишены смысла! Корявые буквы, разорванные слоги предательски

выскальзывали из моей головы. Сконцентрировав все свое внимание, я пыталась вспомнить их звучание, но всякий раз тщетно. Минута такого мучения мне казалась часом. И каждое подобное чтение практически всегда заканчивалось моими слезами, после чего сердце мамы, наконец, таяло, и она отпускала меня погулять.

Мои друзья и старушки

А там, на улице, меня ожидал друг, самый любимый и незаменимый товарищ моего детства – Ваня. Незаменимым Ваню в моей жизни делали не в последнюю очередь его необыкновенные игрушки: целый арсенал пластмассовых пистолетов, шпаг, а также «настоящий» железный пулемет. Он трещал так громко и сильно, что это создавало незабываемый эффект войны. И мы с другом начинали бой. Сначала мы делили его военный арсенал, а потом вступали в сражение.

Еще у Вани было множество машинок практически всех советских моделей и марок: «Жигули», «Волга», «Москвич», «Запорожец». У него также имелись грузовик и паровоз. Такой коллекции, как у Вани, не было даже на полках магазинов. И всем этим товарищ щедро делился со мной. Устраивая ралли на асфальте, мы могли играть часами. Ничто меня не делало такой счастливой, как мой друг Ваня и его машинки.

И знал ли кто-то, как сильно тогда я мечтала о собственном «автомобиле»! Но это было совершенно нереально. Если мне что-то и покупали родители, так только кукол или плюшевых зверей. В лучшем случае – фигурки динозавров и первобытных людей.

Правда, однажды после долгих просьб, мне мама купила

транспортный набор. В него входили миниатюрные пластмассовые модели трамвая, троллейбуса и различных автомобилей. Каждая из фигурок не превышала и двух сантиметров, но какое это было счастье! И, устроившись дома на ковре, я целый день могла играть в свой «транспорт».

Порою мне также приходилось играть в куклы, но в основном за компанию. Моя сестра настойчиво пыталась втянуть меня в свои развлечения. Иногда я увлекалась, и ее «дочки-матери» мне казались интересными, однако такое случилось нечасто. В основном на десятой минуте игры я, как правило, уставала и начинала откровенно скучать: мне не нравилось быть ни «матерью», ни «дочкой». Мне хотелось бегать и стрелять, разгонять автомобили до бешеной скорости и взлетать на них в небо. И я вспоминала о Ване, незаменимом человеке в моей жизни.

* * *

Однако летом Ваня часто гостил у бабушки в селе. И наша разлука могла длиться месяцами. Даже Полина и та летом нередко уезжала в пионерский лагерь. И тогда я оставалась совершенно одна, так как в нашем старом, еще дореволюционном доме, больше детей не было. Там жили одни древние старушки, тоже одинокие и брошенные, как я. Пожалуй, эта общая беда нас так сильно впоследствии и сроднила.

Я и сама не знаю, как эти бабушки, трясущиеся от старо-

сти и нередко страдающие склерозом, стали моими близкими подругами. Каждый день под вечер они собирались на двух лавочках в нашем дворе, чтобы поговорить о чем-то непременно важном: своем прошлом, которым в их возрасте они только и жили.

И я, шестилетний ребенок, добровольно присоединялась к ним. О чем мы тогда беседовали, я, конечно, уже не помню. Но, по словам моей мамы, я была настоящей душой компании. Когда я говорила, все внимательно слушали. Потом начинались дискуссии, порою – смех. И так, сидя со старушками на лавочке, я могла общаться часами. И никакой разницы в возрасте! Наверное, правду говорят, что старики в конце жизни превращаются в младенцев. Так это или нет, но без этих бабушек мое детство было бы неполным.

Особенно неполным оно, пожалуй, оказалось бы без бабы Розы. Маленькая, плотная, практически с лысой головой, она стала моей самой любимой подругой. Это была упрямая и немного сварливая женщина. Порой мне казалось, что там, на лавочке, ее все даже немного боялись, а поэтому уважали. И, пожалуй, только одна я знала, насколько добрым и мягким было сердце у этой старушки. Баба Роза, наверное, ничего так сильно не любила в жизни, как детей. И я, конечно, зная эту маленькую слабость, не могла ею не пользоваться.

Бабушку Розу я помню всегда с гостинцами в руках. Как правило, это были шоколадные вафельные конфеты, трюфели, иногда мятные сосательные леденцы. Старушка, как ни-

кто, знала мой вкус! Надо сказать, что в те времена конфеты, а особенно шоколадные, были невероятным дефицитом. Их было очень трудно найти в магазинах. И стоили они огромных денег. Поэтому на сладости бабушка Роза тратила изрядную часть своей скудной пенсии. Хранила угощения старушка в полиэтиленовом пакете в большом серванте. И каждый раз, когда я приходила в гости, она торжественно доставала оттуда для меня конфеты. Прodelывала баба Роза это всегда с искренней радостью и любовью. Ее глаза при этом горели невыразимым экстазом. Порою мне кажется, что ради этих моментов бабушка Роза только и жила, словно они были единственным «украшением» ее жизни.

Не знаю, этой ли своей искренней любовью, либо самими конфетами старушка подкупила мое детское сердце, но я скрыто и преданно любила ее и разделяла с ней мое одиночество.

Родные бабушки и «железный» дедушка

С родными бабушками мои отношения складывались не так гладко. С бабой Варей, той, которая считала всех девочек Божьим наказанием, я пребывала в состоянии открытой войны вплоть до девятилетнего возраста. После того, как мать покинула ее дом, бабушка приходила наведать нас только по большим праздникам.

Мама вспоминает: когда баба Варя переступала наш порог, я пряталась под стулом на кухне, избегая, таким образом, любого общения с ней. Но однажды сложилась безвыходная ситуация. Маме нужно было отправиться на работу, чтобы получить деньги. Остаться со мной оказалось совершенно некому, и тогда впервые в жизни мать попросила бабушку посидеть со мной несколько часов.

Что происходило в моем детском сознании, я, конечно, не помню. Но то, что случилось дальше, повергло всех в неопи-суемый шок. Как только баба Варя появилась в нашем доме, я, полуторагодовалый ребенок, недавно научившийся говорить, открыла тайком дверь и вышла в коридор. Через пару минут я уже стояла на пороге, держа за руку соседку бабушку Розу, объявив всем, что она вовсе не прочь со мной посидеть. Все оторопели. Старушка, оказавшись в неловкой ситуации, собралась развернуться и уйти, но все же остано-

вилась, не смогла меня предать. Проявив крайне редкую для нее дипломатичность, баба Роза вдруг заговорила с бабушкой. Завязался разговор. И пока длилась эта беседа, я сидела у ног моей «спасительницы» и спокойно играла. Нужно ли говорить, что этот неординарный поступок лишь только усложнил мои и без того непростые отношения с родной бабушкой (и пожалуй, заложил первый фундамент нашей будущей дружбы с соседской старушкой).

Когда я стала постарше, мое общение с бабой Варей стало и вовсе неизбежным. Практически каждые выходные, отправляясь к ней в гости, мои родители брали меня с собой. И пока мама работала в огороде, я слонялась по двору в страшной скуке. С бабой Варей мы не общались. Она даже не кормила меня, так что целый день я оставалась голодной. А вечером бабушка обязательно обнаруживала что-нибудь сломанное либо испорченное мной в ее доме. Не помню, действительно ли я пакостила, или это были всего лишь старушечьи фантазии. Но к бабе Варе я ходить не любила.

Когда я подросла, наше с ней противостояние только усугубилось. Я стала смелее и сильнее. И каждый раз на все упреки отвечала грубостью, а порой мстью. А мсть моя была «страшной»: зная бабушкину жадность, я безжалостно опустошала ее холодильник. Его содержимое я щедро скармливала соседским животным, после чего баба Варя приходила в негодование, однако на все обвинения я лишь кротко мотала головой, уверяя, что это не я.

Наша война казалась вечной. Однако однажды переломный момент таки наступил, и я заслужила бабушкино уважение. Потепление в наших отношениях не в последнюю очередь, наверное, произошло благодаря моей незаменимости на ее огороде. Я хорошо помню, как впервые в жизни баба Варя меня похвалила, когда я собрала на картошке колорадских жуков. Маленькая и проворная, в течение часа я умудрялась очистить все картофельные кусты от этих вредителей. Сначала это было для меня чем-то вроде игры, но очень скоро стало моей обязанностью, однако бабушка щедро вознаграждала меня за это. Она готовила мне обед, а также вела со мной долгие беседы.

Впоследствии, баба Варя оказалась не такой уж и скверной. В ней жила доброта, только она была спрятана где-то очень глубоко. И иногда мне удавалось до нее добраться. Мы с бабушкой постепенно стали почти друзьями. Она всегда относилась ко мне, как к взрослой и равной себе, и мне это нравилось. Мы часто играли с ней в карты, а также вели долгие беседы о жизни. Бабушка любила рассказывать о своем детстве: о коровах, которых она пасла, а также о сильном смерче, который однажды поднял ее в небо и бросил на землю. Баба Варя рассказывала мне обо всем: о своих сестрах и братьях, об отце (матери у них не было). Вспоминая о своем прошлом, бабушка менялась, становясь мягче и добрее. И такой ее я любила. Наверное, потому что чувствовала: где-то глубоко в сердце она меня тоже любит. По-своему: грубо,

неумело, но любит. И это была наша тайна. Мы словно разгадали друг друга и скрывали это от всего мира.

Только сейчас понимаю, насколько одинокой и несчастной, наверное, была эта женщина, не ведавшая любви в детстве, не знающая материнской ласки. . . Два голодомора, Вторая мировая война оставили в ее памяти неизгладимые шрамы. Думаю, именно поэтому моя бабушка всю жизнь имела столь сильную страсть запастись продуктами: у нее в доме всегда хранилось огромное количество консервов и закаток, а также множество круп. Непреодолимый страх голода, наверное, так никогда и не покинул ее, преследуя из далекого детства.

Помню, как однажды, поймав меня в коридоре, баба Варя вручила мне небольшой бумажный конверт. Это был подарок: красивый серебряный кулон в виде колокольчика, ручная работа какого-то мастера – единственное украшение моей бабушки. Она очень гордилась им и надевала в случаях необычайной важности.

Не знаю до сих пор, представляет ли этот кулон какую-нибудь материальную ценность. Но понимаю одно: в тот момент бабушка вручала мне что-то гораздо большее, чем просто украшение. Она дарила мне свою скрытую любовь и признание.

Прошло уже много лет, но я до сих пор часто вижу бабу Варю в своих снах: она готовит мне борщ. Каждый раз во сне бабушка неумоимо и радостно меня кормит. Видимо, осу-

ществляет то, что не сумела сделать в моем раннем детстве.

* * *

Вторую бабушку я более или менее ясно помню лишь с шестилетнего возраста. Она приходила к нам в гости обычно по выходным и никогда долго не задерживалась. Каждый раз баба Оля приносила с собой много мяса. Затем мама его обрабатывала и делала котлеты. Поэтому вторая бабушка в детстве у меня всегда ассоциировалась с котлетами.

На самом деле баба Оля работала на мясокомбинате и была кормилицей нашей семьи. Помню, как с трепетом я всегда рассматривала ее руки, от ладоней до самых локтей покрытые множеством шрамов. Некоторые из них были устрашающе глубокими. На тонкой белой коже бабушки, казалось, не было живого места. Сколько ножевых порезов пришлось на жизнь этой женщины? Худощавая, хрупкая, маленькая, она разделывала огромные туши с невероятной силой и скоростью, выполняя неизменно высокие ежедневные нормы. Баба Оля проработала на мясокомбинате всю свою жизнь. И благодаря этому ее семья кормилась.

А в душе бабушка была поэтом. Она очень любила стихи и даже писала их сама в молодости. Наверное, это нас впоследствии так сильно и сроднило. Когда баба Оля вышла на пенсию, то стала навещать нас чаще, а иногда и оставалась со мной, если я болела. Надо сказать, что болеть в то время я

очень любила. Мне было гораздо интереснее провести время дома в постели, нежели тосковать за партой в скучной школе. К тому же бабушка была моей искренней поклонницей. Она любила слушать мои стихотворения и всегда говорила, что я настоящий поэт.

Кроме любви к стихам, у нас с бабой Олей также оказалась одинаково сильная страсть к животным. Мы обе в равной степени обожали всех зверей и долго часами, молча, могли рассматривать в альбоме их фотографии.

Бабушка никогда не выходила из дома с пустой сумкой. Там у нее всегда лежали кости и ливерная колбаса для бездомных собак и кошек, а также батон хлеба, который она непременно скармливала на трамвайной остановке голубям и другим птицам. Баба Оля очень жалела животных, подбирая немощных и больных. Поэтому ее кухня нередко превращалась в «лазарет», где ютились то голубь с перебитым крылом, то ободранная кошкой синичка. Бабушка трепетно ухаживала за своими питомцами и даже разговаривала с ними.

Еще она прекрасно пела, правда, делала это нечасто, обычно за праздничным столом, когда в доме собирались гости. Обладая тонким, ангельским сопрано, баба Оля зачаровывала всех своим пением. Ее голос был настолько мелодичен и чист, что не мог не околдовывать слушателей. Он действовал как волшебство. Однако мне в этом голосе всегда слышалась грусть. Его тонкость и чистота казались настолько жалобными, что мне порою хотелось расплакаться. Но я

любила, когда бабушка пела. В минуты пения она вся словно светилась, открывая свою скрытую суть. И это было прекрасно. Невероятное чувство свободы царило в комнате. В ней были только свет и любовь. Так пела моя бабушка!

Сегодня я часто думаю о том, как сложно было, наверное, такой тонкой натуре всю жизнь разделявать мясо. Как глубоко и крепко баба Оля должна была себя спрятать, чтобы разменявшись на трудодни, соответствовать норме «рабочего человека». Как страшно прожить жизнь не собой...

Мне всегда было интересно представить, как бы сложилась судьба моей бабушки, родись она сегодня. Она, наверняка, стала бы писательницей либо оперной певицей. Возможно, ветеринаром. Впрочем, для меня баба Оля навсегда останется поэтессой, такой она живет в моем сердце и по сей день.

И, вероятно, не только в нем. Порою мне кажется, что любая нерастроченная энергия не пропадает. Она непременно возрождается или переходит в иную форму для того, чтобы еще с большей силой выйти наружу. Это как ток, который обязательно должен разрядиться. Нет, энергия такого таланта не исчезает, она ищет новые пути своего воплощения. Я всегда знала, я верила, что моя бабушка жила не зря. Она словно накапливала свой потенциал для следующих поколений.

Недаром говорят, что «на детях великих природа отдыхает». В большинстве случаев это и вправду так. Редко де-

ти выдающихся, состоявшихся родителей обладают таким же потенциалом. Я думаю, это происходит потому, что энергия таланта уже была растрачена. И этой энергии, как правило, нужно время, чтобы снова набрать силу.

* * *

Еще большей загадкой в жизни бабы Оли для меня, пожалуй, остается ее союз с дедушкой. Сильный, порой до крайности грубый, неуправляемый и невероятно энергичный, дед Вадим был полной противоположностью моей бабушке. Я всегда удивлялась, что держало этих двух совершенно разных людей вместе. От дедушкиного чрезвычайно вспыльчивого темперамента страдала не только его семья, но и вся улица. Когда дед Вадим злился, его слышала вся округа. Перед ним не могли устоять никто и ничто. Будучи абсолютно бесстрашным, дедушка провел молодость в бесконечных драках, отстаивая правду, как считал он. Малейшая несправедливость превращала его в огонь, и дед сметал на своем пути все.

Помню, как в детстве я невероятно боялась дедушки и всегда в его присутствии старалась быть незаметной. Когда он приходил домой, все затихало. Моя бабушка становилась словно тень и бесшумно скользила по комнатам. Но в доме дед Вадим долго не задерживался. Большую часть своего времени он проводил на улице, где у него был свой мир –

собственная мастерская. Задний двор его жилища напоминал машиностроительный завод, где рядами стояли автомобильные кузова, колеса, детали. Там дед собирал свои машины.

Работая, он словно переносился в иной, никому неведомый больше мир. Его глаза при этом горели невероятным огнем, губы застывали в улыбке, и дедушка ничего не замечал вокруг. Даже если во двор заходили люди, он их не видел.

«Волги», «Жигули», вездеходные джипы – сколько их в своей жизни сконструировал дед Вадим, не считал никто. Он собирал машины из металлолома и выброшенных запчастей. К дедушке стояли очереди клиентов, желающих получить от него эксклюзивное авто либо просящих помощи в ремонте машины. Для деда Вадима не существовало безнадежной поломки. Он чинил все, устранял любую неисправность.

После каждой своей победы дедушка лишь счастливо влетал в дом, чтобы громко и торжественно объявить всем об очередном свершении. Затем радостно, по-детски, он хватал бабушку за руку и вытягивал во двор, чтобы продемонстрировать ей новое автомобильное «чудо». Баба Оля всегда молча, одобряюще кивала головой, хотя она, как и все мы, ровно ничего не смыслила в машинах. Но глаза деда горели так искренне, что его не хотелось расстраивать. И все единогласно признавали дедушкину победу.

Если дед был счастлив, он становился чрезвычайно добрым. Его щедрость не знала границ. Он отдавал людям по-

следнее. Бесплатно ремонтировал им авто, дарил запчасти, а порою – и сами машины. Нам же, детям, он часто покупал огромные кульки конфет и мороженое, а иногда просто совал деньги в карманы. Для дедушки материальных ценностей не существовало, он жил в совершенно ином, лишь ему известном «железном мире».

Откуда у деда Вадима был такой талант, не знал никто. Он сам, ребенок войны, не закончив даже средней школы, едва мог писать и считать. Но его инженерные знания поражали всех. Он словно чувствовал железо и весь расплавлялся в нем.

И даже сейчас, в глубокой старости, еле передвигаясь, дед, каждое утро непременно спешит на улицу. Там его ждут автомобили. Пока есть они, дедушка жив. И железо снова переносит его в тот далекий и никому неведомый больше мир, где дед Вадим забывает обо всем: о своем прошлом и одиночестве. Лишь по ночам он тихо плачет. Ничто до сих пор так и не смогло заменить ему умершую бабушку Олю.

Взрослая сестра и моя детская «живопись»

Мои отношения со старшей сестрой Полиной всегда были теплыми и любящими, но по мере ее взросления она все больше стала от меня отдаляться. Разница в возрасте ощущалась все явственней. Полина была на четыре года меня старше и совершенно по-другому смотрела на мир. Она хотела играть в свои уже взрослые игры.

Все реже и реже сестра стала рассказывать мне на ночь сказки бабушки Арины

– выдуманные ею смешные истории о жизни. Все реже мы ходили с ней вместе в «ночные походы». А когда-то это было нашим любимым занятием: поздним вечером, когда родители засыпали, мы с Полиной тихонько, на четвереньках, с маленьким детским фонариком ползли на кухню и там разбивали наш «лагерь». Мы заползали под стол, затем под стул, осматривали все помещение и потом тихо возвращались обратно в кровать. Если нам удавалось пробраться в комнату незамеченными, это был настоящий триумф! И с переполняющим нас чувством восторга мы спокойно засыпали.

Полина также все реже и реже стала воровать со мной «сладости». Обычно это выглядело так: когда мама хлопотала на кухне, сестра тихо прокрадывалась к умывальнику и прятала за пазуху зубную пасту (чаще всего у нее был мят-

ный вкус, но порою попадался и наш любимый – клубничный или абрикосовый). Затем мы тайком, лежа под диваном, ели зубную пасту. Она казалась необычайно вкусной. Конечно, всю ее мы съесть не могли, так как в конце тюбик нужно было вернуть на прежнее место, чтобы родители ничего не заметили.

Однако обо всем этом Полина с каждым годом забывала все больше и больше. И к восьми годам она и вовсе изменилась. Вернее, ее изменила школа. Школа словно забрала мою сестру.

Как только Полина пошла в первый класс, она целыми вечерами стала просиживать над уроками вместе с мамой. Так что в результате школа забрала у меня не только сестру, но и мать. Часами Полина что-то старательно выводила в своих тетрадях, рисовала какие-то кружочки, палочки. Мама внимательно следила за каждым ее движением. И так весь вечер.

А как же я?! На меня совершенно никто не обращал внимания. Это было несправедливо. И я, чтобы хоть как-то изменить ситуацию, тоже усаживалась рядом с сестрой и принималась рисовать замысловатые фигуры, копируя движения Полины. Но меня никто не замечал. Меня словно и не было в комнате.

И тогда я решила, что тоже хочу в школу! Хочу что-то писать, и чтоб мама так же терпеливо стояла надо мной. Мне тоже хотелось быть важной, хотелось иметь свой портфель, как у сестры, и большой деревянный пенал с множеством

разноцветных карандашей и ручек.

Но когда это будет? Только через три года?! И меня брало отчаяние. Никто даже не представлял, как сильно я не любила Полинину школу. Ожидание собственного первого класса мне казалось вечностью.

И тогда я стала привыкать к своему одиночеству. Пожалуй, именно в то время у меня и проявилась удивительная страсть к рисованию. Нет, не картин, а – самой себя. Часто по вечерам, скрывшись от посторонних глаз, я залезала за спинку кресла и «творила». У меня были старые акварельные краски. И ими я разрисовывала свое тело. Особенно мне нравилось расписывать живот и грудь синим или голубым цветом. Не помню, почему я это делала, но это была моя совершенно необъяснимая и непреодолимая страсть. Делая это, я была

счастлива. Я словно переносилась в иной мир и больше не чувствовала одиночества.

Но с этим счастьем впервые в жизни я также познала и что такое стыд. Поздним вечером, когда мама раздевала меня, чтобы выкупать перед сном, она приходила в ужас, затем в панике звала папу. И все семейство в изумлении разглядывало мои нательные рисунки. Потом меня долго допытывали, зачем я это делаю, а я не знала ответа. Я сгорала от стыда, не в силах проронить ни слова.

Но от своей страсти «рисования» отказаться не могла. И при малейшей возможности, украв у сестры краски и спря-

тавшись за креслом, я вновь принималась за «художество». А вечером все повторялось снова. Мама невероятно злилась и устраивала допрос: «Почему, почему ты это делаешь?»

Но откуда это было знать мне, четырехлетнему ребенку? И тогда я плакала от своего бессилия и полного непонимания взрослых.

Ответ на вопрос «почему» я, пожалуй, не знаю до сих пор. Но прочитав о подобных историях, могу лишь предположить, что моя страсть к рисованию по коже могла перейти ко мне из предыдущих жизней. Известно, к примеру, что кельты обладали особым пристрастием к живописи по телу. Их порою за это даже называли «синими людьми». Может, это совпадение, а возможно, во мне, маленьком ребенке, тогда еще была жива память о моем далеком прошлом? Теперь эта дверь навсегда закрыта. И все, что у меня осталось, – это лишь смутные воспоминания детства.

Детсад и малиновая жвачка

К своему одиночеству впоследствии я привыкла. Мне кажется, оно мне даже в какой-то мере нравилось. Мне было интересно вечером, придя домой, заниматься собой: прятаться под диваном или за креслом и много думать либо «рисовать». Я также целыми часами в одиночестве могла играть с машинками, одолженными в детском саду.

А «поставщиков» автомобилей у меня хватало. Мои лучшие детсадовские друзья Артем и Вова часто давали поиграть своими игрушками. Конечно, не просто так, а в обмен на что-то. И так как куклами они не интересовались, мне приходилось обменивать их машинки на своих пластмассовых динозавров и солдатиков.

В детском саду мы с Артемом были «не разлей вода». Об этом знали все. Мы с ним часто уединялись от всей группы и играли «в войнушки». Иногда мы брали с собой Вову. Для всех остальных детей наш союз был закрыт. В старшей группе мы с другом нередко убегали на улицу или прятались в шкафчиках в раздевалке, так что воспитатели не могли нас найти часами. А нам так нравилась наша свобода!

Порою мне безумно хотелось, чтобы Артем был моим братом, и мы никогда не разлучались. Наш с ним союз казался удивительным. Мы мыслили одинаково. У нас были общие интересы и убеждения. Хотя какие убеждения могут суще-

ствовать в пятилетнем возрасте? Но все же... у нас с Артемом обнаружилось много общего. И эту близость мы не хотели разделять больше ни с кем. Поэтому даже Вова в нашей компании, скорее, тоже был случайным. Не в последнюю очередь мы принимали его в свои игры из меркантильных соображений. У Вовы папа был моряк, он часто привозил сыну из круизов экзотические подарки.

Помню, как однажды Вова пришел в детский сад со жвачкой. О том, что это такое, никто из нас даже не слышал. Это было настоящее чудо: удивительная белая резинка с малиновым вкусом, из которой друг эффектно и аппетитно надувал пузыри. Просто что-то невероятное! Все дети в изумлении окружили Вову, уставившись на него боготворящими глазами. Затем послышалось: «Дай! Дай!» Каждый хотел подержать жвачку во рту хоть мгновение, каждый просил, умолял Вову.

Но друг он и есть друг. И, конечно, как самые близкие товарищи мы с Артемом были первыми, кто отведал это заморское чудо. Как сейчас помню: польщенный всеобщим вниманием, преисполненный чувством собственной важности, Вова торжественно вынул изо рта жевательную резинку и передал ее мне. Я до сих пор помню это ощущение! У жвачки был необыкновенный малиновый вкус. Мягкая, пластичная, необычайно податливая, как она приятно растягивалась во рту! Как она скользила на языке! Какое это было чувство! Я с невероятной жадностью пыталась разжевать резинку. Но

с каждой минутой крик «А мне?!» из толпы нарастал. И в какой-то момент Вова подошел ко мне, попросив вернуть жвачку. Я лишь нехотя повертела головой. Но толпа заревела, и мне в результате пришлось открыть рот. Затем жевательная резинка «по иерархии» перекочевала к Артему, затем еще к кому-то и еще... Не знаю, попробовала ли ее тогда вся группа, но Вовин авторитет в детсаду после этого случая заметно вырос. А мы с Артемом еще больше полюбили друга и уже на равных принимали его в свои игры.

Моя первая любовь

Интересно, что так тесно общаясь с мальчиками в раннем детстве, я никогда не испытывала к ним никакой симпатии, как к противоположному полу. Для меня они были исключительно друзьями, бесполоми существами, разделяющими со мной общие интересы и игры. Да и я сама, если относить себя к полу, скорее ощущала себя больше мальчиком, чем девочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.